

СЕРЕБРО ШЕЛЬДЖИ

Богатые серебро-свинцовые месторождения Средней Азии известны человеку очень давно. Есть основания предполагать, что некоторые из них разрабатывались в эпоху бронзы¹. Однако степень изученности древних рудников Средней Азии в настоящее время такова, что об их эксплуатации до VIII—IX вв. можно говорить пока предположительно. Иную картину дают IX—XII вв., когда с расцветом ремесленного производства интенсивно развивался и горный промысел. Ведущее место занимала разработка серебро-свинцовых месторождений, обусловленная большим спросом на серебро и истощением ряда старых рудников². Средневековые письменные источники упоминают три крупные горнодобывающие среднеазиатские области, славившиеся добычей серебра: Илак (ныне Чаткало-Кураминский район)³, Шельджи (восточная окраина Таласской долины в Киргизской ССР), Ваханские серебряные рудники. Работы, начатые на Памире в 1962 г., дают основание считать, что вопрос о таинственных ваханских рудниках находится в стадии разрешения⁴.

¹ Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад. 1954, стр. 24—25.

² R. I. Forbes. Studies in Ancient Technology. Vol. VIII. Leiden. 1956.

³ Ю. Ф. Буряков. Из прошлого Чаткало-Кураминского промышленного района (к истории горного дела и металлургии средневекового Илака). Автореф. канд. дисс. Ташкент. 1966.

⁴ М. А. Бубнова. К истории добычи полезных ископаемых на Памире. «Изве-

Что же известно о рудниках Шельджи? Вопрос о месте их нахождения был впервые поднят В. В. Бартольдом, который писал: «В Таласском Алатау, где был небольшой город Шельджи и несколько селений, были серебряные рудники, которые, по видимому, могли выдержать соперничество с рудником в долине Ангрена... Какое значение придавали серебряным рудникам Таласского Алатау (до сих пор, насколько известно, вновь не найденным), видно из того, что в небольшом городе Шельджи было большое число иностранцев»⁵. Эти выводы он сделал на основании личных наблюдений при посещении Таласской долины в 1893 г. и анализа письменных источников. Им же было предложено отождествление средневековой Шельджи с реально существующими остатками Садыр-Кургана в восточной части Таласской долины (подтвержденное позднее археологическими исследованиями А. Н. Бернштама и П. Н. Кожемяко)⁶.

Прошло много лет, прежде чем о серебряных рудниках Шельджи вновь заговорили на страницах научной литературы. Во-

стия» Отделения общественных наук АН ТаджССР, 1968, № 3 (53), стр. 64—69; е е же. Изучение памятников, связанных с горным промыслом, на территории Таджикистана в 1970 г. «Археологические работы в Таджикистане». Вып. X. М. 1973, стр. 205—214.

⁵ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2, ч. 1. М. 1963, стр. 241—242. Долина Ангрена входила в состав древнего Илака.

⁶ «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе. 1963.

стоковед П. П. Иванов после посещения им в 1923 г. Таласской долины опубликовал краткие сведения о древних выработках на серебро, обнаруженных в урочище Джангыз-Арча (южные склоны Киргизского хребта), и высказал предположение, что процветание Шельджи было целиком связано с существованием серебряных рудников⁷. В 1928 г. в Таласскую долину совершил поездку М. Е. Массон; в результате им была опубликована характеристика Таласской долины как крупного металлургического центра X—XI вв. с солидной рудной базой⁸. Анализ письменных источников привел М. Е. Массона к выводу, что «арабскими географами различалось два понятия — город Шельджи и округ Шельджи, но никакого... рудника Шельджи не существовало»⁹. Это было очень важно, так как в большинстве случаев исследователи, особенно геологи, стремились найти именно конкретный рудник Шельджи.

После работ П. П. Иванова и М. Е. Массона опять наступил длительный перерыв в изучении восточной окраины Таласской долины историками и археологами. Но независимо от них материал накапливали геологи, которые в процессе изучения и освоения полезных ископаемых в пределах хребта Таласского Алатау и южных склонов Киргизского хребта опубликовали материалы о древних выработках 28 рудников на серебро.

Семиреченская археологическая экспедиция (1936—1938 гг.) под руководством А. Н. Бернштама, многое сделавшая для изучения эволюции оседлых поселений в интересующем нас районе с VI в. по XVI в., не затронула вопроса о взаимосвязи развития поселений с развитием горнодобывающего промысла. Пробел был восполнен работами Таласского отряда Киргизской археологической экспедиции под руководством П. Н.

Кожемяко, начатыми в 1956 году. К этому времени назрела необходимость все соответствующие выводы и предположения, высказанные В. В. Бартольдом, П. П. Ивановым и М. Е. Массоном, подтвердить реальным фактическим материалом. В известной степени это удалось.

В истории развития отдельных областей одним из основных вопросов, требующих ответа, является вопрос, что послужило толчком для развития хозяйственной, торговой и культурной жизни на определенных исторических этапах. В восточной части Таласской долины отдельные поселения возникли в VII—VIII веках. В слоях этого времени еще нет никаких материалов, подтверждающих добычу или переработку серебро-свинцовых руд. Население занималось земледелием и скотоводством, то есть первые поселения обязаны здесь своим появлением сельскохозяйственному производству. С твердой уверенностью можно говорить о широкой разработке полиметаллических руд с IX века. Это подтверждает цепь взаимосвязанных фактов, прежде всего сами древнейшие выработки. В результате обследования района в хребтах Таласского Алатау и Киргизском, ограничивающих восточную часть Таласской долины, в настоящее время зарегистрировано 78 пунктов со следами древних выработок и мест плавки, связанных с добычей и переработкой серебро-свинцовых руд¹⁰. Они группируются в трех районах: северные склоны Таласского Алатау; Курганская группа, включающая 5 месторождений (расположена на южных склонах Таласского Алатау; по географическому положению относится к Кетмень-Тюбинской долине; несмотря на это, можно отнести ее к древним рудникам восточной части Таласской долины. Дело в том, что южный склон в бассейне р. Узун-Ахмат резко расчленен и труднопроходим, тогда как Бешташская долина на северном склоне — широкая и пологая, удобна для передвижения. Со стороны Таласской долины месторождения доступны почти круглый год через перевал Кен-Шанык. Кроме того, Таласская долина была крупным металлургическим центром, чего нельзя сказать о Кетмень-Тюбинской долине); южные склоны Киргизского хребта, где древние выработки сосредоточены на горах

⁷ П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Л. 1932, стр. 19—20; его же. К вопросу о древностях в верховьях Таласа. В кн.: «С. Ф. Ольденбургу». Сборник статей. Л. 1934, стр. 241, 251.

⁸ М. Е. Массон. Из результатов поездки в долину Таласа для выяснения истории горной промышленности. «Бюллетень» Среднеазиатского республиканского геолого-разведывательного управления, 1930, № 2, стр. 35—37.

⁹ М. Е. Массон. По поводу работы П. П. Иванова «К истории развития горного промысла в Средней Азии». «За недра Средней Азии», 1933, № 3, стр. 51.

¹⁰ М. А. Бубнова. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX—XII вв. «Археологические памятники Таласской долины».

Кара-Джилга и в ущельях вдоль рек Кенкол и Нельды.

По вещественным остаткам, обнаруженным на выработках, установлено, что работы велись здесь в IX—X веках. Разительный контраст наблюдается в заселении долины по сравнению с предшествующим временем именно в этот период¹¹. В большинстве поселений находки остатков металлургического производства (стенки плавильных печей, шлаки) — вполне обычное явление. Взаимосвязь древних рудников и поселений долины, часть которых являлась металлургическими центрами IX—XII вв., дает возможность выделить три микрорайона, каждый из которых имел свою рудную базу и соответствующие ей производственные центры с сельской округой. Первый локализуется в пределах западной части долины, ограниченной бассейнами рек Куркуреусу и Карабура. Второй расположен в центральной части долины, где находится крупнейшая, Кумыштагская группа месторождений. Территориально он ограничен с запада р. Кумыштаг, а с востока — р. Урмарал. Наконец, восточный район, включающий Курганскую группу месторождений и ту часть рудников, которые сосредоточены на правом берегу р. Талас, вдоль рек Нельды и Кенкол, а на левом берегу — бассейн р. Бешташ и южные склоны Таласского Алатау. Остальная территория Таласской долины — Канидинская долина между хребтом и горами Ичкали-тау, а также долина рек Каракол и Учкошой — обычные скотоводческие районы, богатые пастбищами. Таласская долина в IX—XII вв. была крупным центром добычи и переработки серебро-свинцовых руд. В первую очередь именно эта отрасль хозяйства способствовала расцвету и росту поселений в долине¹².

¹¹ П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. «Археологические памятники Таласской долины».

¹² Возможно, не только серебро, но и золото было «заветной» мечтой жителей долины. Раньше об этом не имелось никаких известий, а сведения в рукописных отчетах геологов долгое время были недоступны. Сейчас известно 5 пунктов, где добывалось коренное и рассыпное золото: Асса, Чопур, Узун-Булак, Купре, Акташ-1. Рассыпное золото добывали, перемывая аллювиальные отложения рек Кара-Буры и Чопур. По имеющимся данным, бассейн р. Каракол — одно из основных мест сосредоточения древних разработок на коренное и рассыпное золото; особенно выделялись Чопур и Акташ.

Проблема отождествления серебряных рудников Шельджи, согласно средневековым письменным источникам, в настоящее время может считаться решенной. Отождествляются городища, расположенные на восточной окраине Таласской долины, с городами средневековых письменных источников в такой последовательности: Садыр-Курган — это Шельджи; Чалдывар — это Сус; Ак-Тепе-1 у села Орловки — это Куль; Ак-Тепе — это Текабкет (предложено А. Н. Бернштамом¹³, подтверждено П. Н. Кожемяко)¹⁴. Если учесть, что, по сообщению Макдиси, именно названные города были расположены у гор с серебряными рудниками и что из г. Шельджи вывозится серебро, то можно считать обоснованной локализацию области Шельджи в пределах восточной окраины Таласской долины. Являясь «промышленным» районом, эта область имела определенные преимущества и своего рода автономию. Еще А. Н. Бернштам обратил внимание на то, что в безымянном сочинении XII в. «Муджмилль-аттаварих» упоминается царь Шельджи по имени Хилаш Эркен. Сейчас стал известен еще более любопытный факт, что Шельджи чеканила свою монету. Ее обнаружил М. Н. Федоров¹⁵. IX—XII вв. связаны в Средней Азии с дальнейшим развитием феодальных отношений внутри общества. Это обстоятельство отразилось, в частности, на горном промысле. Однако рост производительности труда шел здесь не столько по пути дальнейших успехов в области изменения орудий и условий труда, сколько по пути увеличения количества разрабатывавшихся объектов и числа занятых в горном деле лиц¹⁶.

Мнение, что в горном промысле исключительно важную роль играли рабы и военнопленные (хотя не исключена возможность, что наряду с ними все больше вовлекалось в дело окрестное крестьянство, для которого горный промысел был дополнительным занятием, а в некоторых случаях и основным, если это были лица, вы-

¹³ А. Н. Бернштам. «Труды» Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. М.-Л. 1950.

¹⁴ П. Н. Кожемяко. Указ. соч., стр. 145—224.

¹⁵ В. Г. Мокрынин. Экономические и культурно-экономические связи Киргизстана с Западом в раннем средневековье. Канд. дисс. Фрунзе. 1971, стр. 69.

¹⁶ М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент. 1953, стр. 15—16.

нужденные покинуть деревню в результате обезземеливания)¹⁷, широко утвердившееся ранее в науке, применительно к периоду IX—XII вв. не более чем гипотеза. Ведь в настоящее время историки располагают ничтожно малым материалом, чтобы решить вопрос о том, кто составлял основную рабочую силу в рудниках. М. Е. Массон обратил внимание на то, что письменные источники не дают почти никаких указаний на данный счет. Сам же он является сторонником мнения, что особо крупные месторождения ценных ископаемых составляли собственность казны (например, серебряный рудник Шаша)¹⁸. Его точку зрения разделяет и Ю. Ф. Буряков.

В связи с этим небезынтересно рассмотреть сведения, которые содержит такой источник, как «Хидая» (XII в.), где имеется специальный раздел о рудниках и кладах: «Различия. Этого рода предметам на языке закона присвоены три различных термина, а именно: «мааден», «канз» и «риказ». Термином «мааден» обозначается естественное обозначение руды или металла; термином «канз» — клад или иное имущество, зарытое в землю; термином «риказ» обозначаются и рудники и клады: рудники в буквальном смысле слова, а клады — в переносном. Рудники должны быть облагаемы зякетом в размере одной пятой. Если на землях, подлежащих «хараджу» или «упру», то есть десятине или подати, будет найден рудник золота, серебра, свинца или меди, то он должен быть обложен зякетом в размере одной пятой; этот зякет называется «хумс» [буквально одна пятая; в других местах это выражение переведено как «двойная десятина»]. Если рудник будет открыт... на землях, подлежащих либо десятине, либо подати и составляющих частную собственность этого владельца..., следует взимать одну пятую..., так как земли вообще, в силу их производительной способности, не освобождаются от десятины и подати; следовательно, со всяких рудников, на них находимых, должна быть взимаема одна пятая»¹⁹.

Итак, наряду с рудниками, являющимися исключительной собственностью казны, были рудники, составляющие частную собственность владельцев той земли, на которой они находились, причем зякет на рудники

назывался специальным термином «хумс». С другой стороны, можно допустить, что лица, открывавшие то или иное месторождение, могли его разрабатывать в свою пользу при условии выплаты «хумса» владельцу земли. Это давало немалую прибыль феодалам, владевшим районами, богатыми полезными ископаемыми.

В условиях Таласской долины, обладавшей столь ценным полезным ископаемым, как серебро, налицо следующие важные моменты, которые могут помочь решению проблемы права собственности на рудники и месторождения. Рост поселений за счет увеличения площади и непрерывное появление новых поселений свидетельствуют, что для работы на рудниках требовались постоянные рабочие. Областью Шельджи владел «царь». Последнего следует рассматривать как удельного властителя, который был назначен или же которому в определенное время этот район был пожалован; фактический материал пока слишком незначителен, чтобы рассмотреть этот момент во всех аспектах. Наконец, область Шельджи чеканила свою монету с именем правителя. Следовательно, область Шельджи находилась в собственности крупного феодала, который получал с нее доходы, состоявшие не только из доходов от земли (по всем юридическим нормам того времени), но еще и дополнительный доход с рудников серебра — «двойной» зякет (зякет на землю и «хумс» с рудников).

Какую же роль следует отводить рабам и военнопленным на рудниках IX—XII веков? По-видимому, незначительную. При том масштабе работ, которые велись только на рудниках серебра даже в самых крупных горнодобывающих областях, как Илак, Шельджи и Вахан (не считая второстепенных и разработок других полезных ископаемых), обеспечить всех их рабами было сложно. Правда, Истахри (X в.) сообщает: что «касается рабов, то туда попадает из тюрков, окружающих их, столь много, что число работ превышает потребности их [жителей Мавераннахра]»²⁰. Этнографические материалы все без исключения показывают, что, как правило, добыча полезных ископаемых была занятием, дополнявшим сельское хозяйство. Кроме того, нельзя забывать о ремесленной специализации, особенно развитой в тот период средневековья и требовавшей определенных навы-

¹⁷ Там же, стр. 16.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Хидая». Комментарии мусульманского права. Т. I. Ташкент. 1893, стр. 102—104.

²⁰ «Материалы по истории киргизов и Киргизии». Вып. I. М. 1973, стр. 17.

ков. Добыча полезных ископаемых и переработка руды на металлы не являлись исключением. Кроме того, труд рабов был низкопроизводительным, тем более что источником поступления рабов являлись в основном кочевые народы. А почти каждая операция при добыче полезных ископаемых требовала опыта и знаний, если не считать выноса руды на поверхность и ее дробления. Важен тот факт, что руду можно было добывать и в зимнее время, а обогащение осуществлять не только на месторождениях, но и в домашних условиях, равно как и плавить. Археологическое подтверждение тому найдено на городище Базар-Дара (Восточный Памир). В этнографическом же материале ярким примером служит добыча железа в долине Ванча и золота на Зеравшане.

В связи с интенсивным заселением восточной окраины Таласской долины в IX—XII вв. возникает вопрос, как следует расценивать сведения Махдиси о том, что в г. Шельджи много иностранцев, причем одних исфаганцев — 10 тыс. человек²¹. В. Г. Мокрынин высказал следующее соображение: «Письменные источники в порядке постановки вопроса позволяют допустить, что в IX—X вв. Таласская долина имела торговые-ремесленные связи с областью Исфаган в Иране. Трудно, конечно, считать такое большое число выходцев исключительно купцами... Исфаганцев могли привлекать богатые серебром рудники Таласа. И привлекали они не только купцов, но и по большей части квалифицированных исфаганских рудокопов. Дело в том, что, по словам ибн-Дусте, серебряные рудники в самом Исфагане, ранее функционировавшие, в IX в. были заброшены... Вполне вероятно, что оставшиеся без работы рудокопы могли переселиться к серебряным копям в Таласскую долину»²². Попытки найти в лите-

ратуре подтверждение данной точки зрения не увенчались успехом²³.

Сам по себе факт передвижения специалистов из одного района в другой не может в принципе вызывать сомнения. Но фактическим материалом или сведениями письменных источников на этот счет исследователи не располагают. Возможно, в дальнейшем при более подробном изучении горного промысла IX—XII вв. они столкнутся с материалами, которые выявят нечто вроде отхожего промысла на стороне, переселения или даже своего рода «приглашения» специалистов. Во всяком случае, при тех широких торговых и культурных связях, какие наблюдались в тот период, не только специалисты горного промысла, но и мастера различных ремесленных профессий широко перемещались из одних районов в другие. Вопрос заключается в том: можно ли говорить о массовых переселениях? Последние должны были в какой-то мере отразить свой, им присущий, отличный от местного «культурный колорит», допустим, в керамике. Однако материалы поселений Таласской долины не подтверждают ничем того факта, что среди местного населения жило большое число иностранцев или исфаганцев. Общий облик материальной культуры Таласской долины IX—X вв. и XI—XII вв. достаточно однороден²⁴.

Уровень горного промысла в восточной части Таласской долины ни в технике добычи руд, ни в технологии их обработки не выходит за рамки общего развития горного промысла на всей территории Средней Азии IX—XII веков. Роль горнодобывающего промысла в развитии области Шельджи определялась в первую очередь разработкой именно серебряных месторождений, а рост городов и сельских поселений находился в прямой зависимости от интенсивности разработки серебро-свинцовых руд.

М. А. Бубнова

²¹ С. Волин. Сведения арабских источников IX—XV вв. о долине реки Талас и смежных районах. «Труды» Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 8. 1960, стр. 82.

²² В. Г. Мокрынин. Указ. соч., стр. 71—72.

²³ R. I. Forbes. Op. cit.; H. E. Wulff. The Traditional Crafts of Persia. Cambridge (Mass.). 1966.

²⁴ П. Н. Кожемяко. Указ. соч., стр. 145 сл.